Есть такое слово – пассаджио.

Passaggio.

Воображение Италии помогает при произнесении этого слова.

Общий образ, который всплывает в голове, когда вы думаете об итальянских мужчинах. Маслянистое ощущение, исходящее от тел, умасленных благовониями, гнусавый голос – вот такой образ. Имея это в виду, давайте сделаем акцент на части "ssa". Словно воздух, с силой проходящий через резинку.

Pa-ssa-ggio.

Хм... действительно редкое слово. Насколько редкое? Ну, большинство людей никогда не услышат его в своей жизни, и даже я никогда не слышал, прежде чем соприкоснуться с оперой.

Опера – это настоящая классическая музыка. Именно так.

Как будто она из другого мира, она переполнена профессиональными жаргонизмами, о которых знают только те, кто близок к ней. Maschera, legato, и appoggio, конечно. Зачем же давать волю старому доброму корейцу, чтобы он начал употреблять эти необычные итальянские слова?

... Возвращаясь к теме, Что это за пассаджио такое?

Смысл очень прост.

Родина оперного пения – Италия. Это слово из той Италии, и его буквальное значение – дорога или путь.

"Дорога…"

На первый взгляд, это звучит неуместно.

Какая дорога, когда поёшь?

Но по мере того, как я продолжал изучать музыку и звучание, я пришёл к пониманию

Что нет лучшего выражения, чем "дорога".

Это понимание исходило из глубины моих костей.

– Ои. Вы говорите, что берёте высокие ноты? А? "Я сейчас пойду наверх~ иду вниз~". Вот так? Держите тембр постоянным! Абсолютно постоянным! Сделайте так, чтобы невозможно было определить разницу между высокими и низкими нотами!

Вот что говорил мой учитель с первого урока.

– Идите прямо, по прямой линии. Представьте себе, что есть прямая дорога в гору, и вы туристы, идущие по этой тропе. Представьте себе, что вы идете направо и налево, карабкаетесь зигзагом – насколько это некрасиво? В музыке то же самое. Как будто следуя прямому следу от низкой к высокой ноте, держите ваш звук и тон постоянными. Вы должны подняться прямо, не шатаясь, чтобы достичь вершины.

– …

Тогда я действительно не понимал слов учителя.

Я имею в виду, очевидно, что будет разница, если нажать высокую и низкую ноты, разве нет? Как бы я мог заставить высокую ноту звучать как низкая нота, когда я борюсь с восхождением?

Ты говоришь, бежать, как будто идёшь, кричать, как будто шепчешь, или что-то в этом роде?

Да скорее моя задница станет прямой дорогой!

Однако идти против учителя было невозможно, и я просто слушал и усердно работал.

Выходя из школы искусств, когда меня отчислили, оканчивая обычную гимназию, поступая в университет и в ансамбль, я мысленно повторял слова учителя и продолжал обучение.

В конце концов, этот учитель был единственным, кто искренне учил меня.

Перемены происходили медленно, но верно.

От A2 до B4, другими словами, От нулевой октавы A до второй октавы B.

Даже во время подъёма и спуска по пятнадцати ступеням музыкальной шкалы, тембр будет сохраняться ясным и постоянным. Когда я делал какую-либо заметку, я мог добавить нужный тон и закончить любые изменения ноты деликатно, как будто рисуя кривую.

Мне показалось, что мои глаза открылись.

Это было... подобно художнику, идеально контролирующему движение своей кисти.

С возможностью заливки любого холста с нужным цветом и рисунком.

Художник с лучшей кистью.

Достигнув этого уровня примерно в тридцать лет, я стал баритоном – певцом с некоторой известностью под поясом, и вошёл в один из лучших ансамблей в Корее, "Future Ensemble".

– И какой же уровень вы получили, Мистер Чо?

– Я? Второй уровень.

– … Второй уровень…

Из теста, проведённого сразу после вступления, который давал оценку от первого до десятого уровней, я сразу же получил второй.

Второй уровень.

Это было лишь на один уровень хуже лучшего уровня, первого. Это был отличный уровень, учитывая мой опыт, но…

Я был не очень доволен.

Я имею в виду, это было похоже на обращение с домашним животным – поющим животным. Почему я должен быть счастливым только потому, что я получил рейтинг, как специальная корейская свинья класса А? Моя гордость была не так уж низка.

Конечно, когда приходит больше денег, это хорошо.

Во всяком случае, из-за выпячивания уровня сразу после поступления, а не чтения атмосферы, отношения с участниками ансамбля стали более поверхностными. Хотя я бы не сказал, что слишком много об этом думал.

Это была жизнь, достаточно занятая только пением.

– Мистер Чо Юнчэ… просто изумительный. Я уже давно не видел никого, кто мог бы

продолжать звенеть, не дрожа. Но это просто… Вы можете петь немного мягче и слабее? Тут есть небольшой диссонанс. Да. Именно так. Давай сделаем это ещё раз.

Ещё более раздражающим было подавление, характерное только для ансамблей.

Сама атмосфера ансамблей была именно такой. Вы не можете выделиться, потому что рядом есть ещё десятки людей, поющих вместе. Сопоставьте себя со всеми остальными, убейте себя и станьте тонким фоновым звуком.

Были постоянные требования избавиться от моего цвета, а также требования против моего собственного пения.

Говорили:

– Это раздражает, когда один баритон сильно выделяется из ансамбля.

Так что без цвета и запаха, без всякой индивидуальности мне пришлось отрезать свой голос. Это был болезненный процесс для любого, кто считал себя музыкантом.

Но самое плохое в людях было то, что за один-два месяца можно было привыкнуть к чему угодно. Когда я пришёл к пониманию, то смог гармонизировать себя с остальным, точно машина, словно я был создан для этого.

Проблема была обнаружена позже.

Однажды, когда я пел сольную партию, я издавал смехотворно апатичные звуки.

… Я решил покинуть ансамбль.

– Ты собираешься уехать?

– Да, я уже всё решил.

– Я понимаю… я каким-то образом предвидел, что это произойдёт.

Это было очень неожиданно, но, судя по моему недавнему поведению, это было предсказуемо.

Именно так, даже отказавшись от места постоянного члена, о котором мечтали большинство оперных певцов, я покинул ансамбль.

– Ммм... могу я спросить, куда ты собираешься идти дальше?

– Пока точно не известно, но я хочу попробовать пройти прослушивание в... Мет.

– Мет! Надеюсь, у тебя всё получится.

Мет.

Нью-Йоркская Метрополитен-Опера.

Место, где собираются лучшие оперные певцы мира.

Интересно, смогу ли я преуспеть в этом месте?

На самом деле, у меня была уверенность. С тех пор как я учился и был изгнан этим учителем из школы искусств, я никогда не слышал, чтобы кто-то называл меня плохим певцом.

Я был уверен в своём собственном пении и гордился тем, что меня учил великий учитель.

И после того, как я каким-то образом вошёл в контакт и посетил Нью-Йорк для прослушивания, результат, который я получил, был…

Провал.

Я сел в самолёт и сразу же после получения результатов вернулся в Корею.

Тот день.

Я нёс свой багаж из аэропорта один, когда начался противный моросящий дождь. Я медленно оглядел аэропорт, но там были только занятые люди, идущие твёрдо и уверенно, и никаких друзей, приехавших приветствовать меня.

Ну, я вообще ничего не ожидал. Человек, который был безумно увлечён пением и только и делал, что практиковался в одиночестве… Никто не будет дружить с таким человеком.

Проигнорировав некоторые сообщения, найдя их раздражающими, я закончил тем, что совершенно не создал никаких связей.

"Что посеешь, то и пожнёшь", – вот эта фраза как раз про меня.

Вот так, отрезав все отношения, я посвятил всю свою жизнь пению… и, как ни странно, так легко провалил простое прослушивание.

– Ху-ху…!

Я обнаружил, что смеюсь.

Желая петь, не желая ансамблей – уходя вот так, громко разговаривая и терпя неудачу, не будучи в состоянии ничего сделать.

Внезапно я подумал о Дон Кихоте.

Сцена, когда толстый человек, который никогда не работал, обсуждал благородство рыцарей, нападая на ветряную мельницу.

http://tl.rulate.ru/book/39225/843337